

Вдоль темно-желтых квартир
на неизвестный простор
в какой-то сумрачный мир
ведет меня коридор.
И рукав моего пальто
немного в его грязи.
Теперь я вижу лишь то,
что от меня вблизи.

Еще в зеркалах живет
мой неопрятный вид.
Страшное слово «вперед»
губы мои кривит.
Скопище, сонм теней
спускается на тормозах.
Только всего сильнее
электрический свет в глазах.

Словно среди тишины
вдруг заглушает крик
власти теней спины
залитый светом лик,
словно в затылке — лед
и пламень во лбу горящ,
и тела всего — перёд
много превосходящ.

Коридор, мой коридор,
закадычный в ранге владык;
залитый светом взор,
залитый тьмой кадык.
Запертый от гостей,
с вечным простясь пером,
в роще своих страстей
я иду с топором.

Так как еще горит
здесь предо мною свет,
взгляд мой еще парит,

минует еще паркет,
по жилам еще бежит
темно-желтая кровь,
и сердце мое дрожит
возле охапки дров.

Так, как в конце весны
звуками полон лес, —
в мире конструкций сны
прежний теряют вес.
Так, впредь бывшего дыша,
я пред Тобой, Господь,
видимо, весь душа,
да вполовину плоть.

Словно летом в тени
и у любви в конце,
словно в лучшие дни,
пот на моем лице.
Так посреди белья
и у дров на виду
старый и новый я,
Боже, смотри, иду.

Серый на горле шарф,
сзади зеркальный шкаф,
что-то звенит в ушах,
в страшной грязи рукав,
вешалки смотрят вслед,
лампочки светят вдоль.

И если погаснет свет,
зажжет свой фонарик боль.

1962—1963